

СТАРАЯ Англия
ДОБРАЯ...

ФЛОРА ТОМПСОН

ПАРК-РАЙЗ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т56

Flora Jane Thompson
LARK RISE

Перевод с английского Анастасии Рудаковой
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой

Томпсон Ф.

Т56 Ларк-Райз : роман / Флора Томпсон ; пер. с англ. А. Рудаковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 448 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-26165-5

Автобиографическая трилогия «Из Ларк-Райза в Кэндлфорд» — ностальгическая ода, воспевающая жизнь провинциальной Англии Викторианской эпохи. Девочка Лора, растущая в деревушке Ларк-Райз на севере Оксфордшира, описывает забавные, иногда грустные сценки из деревенской жизни, рассказывает о нехитрых крестьянских радостях. Вдумчивые, обстоятельные картины патриархального быта придутся по вкусу любителям буколической прозы. В этот том вошла первая часть трилогии, где описывается простой деревенский быт, наивные и трогательные обычаи и нравы эпохи.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

- © А. А. Рудакова, перевод, 2024
© Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Иностранка®
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26165-5

I

Жилища бедняков

Деревушка эта занимала невысокую горку в равнинном хлебопашеском краю на северо-востоке Оксфордшира. Мы будем называть ее Ларк-Райз¹ — из-за обилия жаворонков, облюбовавших окружающие поля и гнездившихся на голой земле между рядами зеленых колосьев.

Отовсюду, куда ни кинь глазом, напознала плотная глинистая почва пашен — восемь месяцев из двенадцати голая, темная, обдуваемая всеми ветрами. Весной появлялась зеленая поросль пшеницы, под изгородями вырастали фиалки, а у ручья в низине «ста акров» зацветала верба; но по-настоящему прекрасен этот пейзаж бывал

¹ Lark — жаворонок (англ.). Дословный перевод названия Ларк-Райз — Жаворонковая Горка, однако здесь кроется игра слов: английское выражение «rise with the lark» (дословно «вставать с жаворонком») аналогично русскому «вставать с петухами». — *Здесь и далее примеч. перев.*

лишь несколько недель в конце лета. Поля спелых колосьев, простиравшиеся до самых порогов коттеджей, покрывались рябью, и деревушка превращалась в остров в море темного золота.

Ребенку казалось, что так было испокон веков; но пахота, сев и жатва являлись недавними нововведениями. Старики еще помнили, как Горка, заросшая можжевельником, высилась посреди поросшей утесником и вереском общинной земли, которая пошла под плуг после принятия законов об огораживании. Некоторые старожилы до сих пор занимали коттеджи, стоявшие на земле, которая была передана их отцам по «скваттерскому праву»¹, и, по-видимому, все небольшие участки под жилыми домами достались их первоначальным владельцам именно таким образом. В тысяча восемьсот восьмидесятые годы в Ларк-Райзе насчитывалось около тридцати коттеджей и трактир, располагавшихся не рядами, а образовывавших более или менее ровный круг. Деревушку окружала глубокая тележная колея, а отдельные коттеджи и группы коттеджей соединялись между собой сетью тропинок. Перемещение из одной части

¹ «Скваттерское право» позволяет незаконному поселенцу (скваттеру) использовать недвижимость другого лица или проживать в ней, если законный владелец не выселяет скваттера или не предпринимает против него никаких действий.

деревни в другую называлось «пройти по Горке», а слово «дом» во множественном числе звучало как «домы», а не «дома». Единственным торговым заведением была маленькая лавочка при трактирной кухне, где продавалась всякая всячина. Церковь и школа находились в главном селе, в полутора милях от Ларк-Райза.

В одном месте опоясывающую Горку тележную колею спрямлял проселок. Его проложили при огораживании пустоши для удобства полевых работ и соединения оксфордского тракта с главным селом и близлежащими деревнями. От Ларк-Райза проселок вел в одну сторону к церкви и школе, а в другую — к тракту, или большаку, как его до сих пор именовали, и ближайшему городку, где по субботам устраивался торг. Вследствие этого мимо Ларк-Райза кто-нибудь порой да проезжал. То крестьянская повозка, груженная мешками или квадратными вязанками сена; то фермер верхом или в двуколке; то старый маленький фургончик пекаря с белым верхом; то вереница укутанных охотников с грумами, выехавших на прогулку рано поутру; то экипаж с господами, отправившимися с послеобеденными визитами, — вот, пожалуй, и всё. Ни автомобилей, ни omnibusов, разве изредка прокатит мимо один из этих большеколесных велосипедов, прозванных «пенни-фартинг».

Люди по-прежнему выскакивали на пороги своих коттеджей, чтобы на них поглазеть.

У нескольких домов были соломенные кровли, беленые стены и окна с ромбической расстекловкой, но большинство строений представляли собой обычные каменные или кирпичные коробки с серо-голубоватыми шиферными крышами. Самые старые коттеджи принадлежали ко временам, предшествовавшим огораживанию, и в них до сих пор обитали потомки первых скваттеров, в ту пору люди уже немолодые. У одной пожилой пары имелись осел и тележка, на которых они возили на рынок свои овощи, яйца и мед, а иногда сдавали их внаем соседям за шесть пенсов в день. В другом доме жил бывший управляющий фермой, который, как говорили, «неплохо нагрел руки» за годы своей службы. Еще один старик владел акром земли, который сам и обрабатывал. Вышеупомянутые люди, хозяин трактира и еще один каменщик, ежедневно ходивший пешком в город за три мили и обратно, были единственными жителями деревни, которые не батрачили на фермах.

В некоторых коттеджах было по две спальни, в других — всего одна, и в этом случае ее разделяли ширмой или занавеской, чтобы разместить и родителей, и детей. Часто старшие сыновья в семье спали на первом этаже или отправлялись

ночевать в освободившуюся вторую спальню к пожилым парам, чьи повзрослевшие дети жили отдельно. Устраивать на ночь старших дочерей, за исключением праздничных дней, нужды не было, ибо все они уже находились в услужении. И все же частенько приходилось ютиться в тесноте, ведь в иных семьях был целый выводок ребятишек — восемь, десять, а то и больше, и, хотя они редко проживали все вместе, ведь старшие нередко женились до рождения младшего, бывало, кровати и матрасы заполняли все свободное место, так что домашние были вынуждены перелезть друг через друга, чтобы добраться до своей постели.

Однако не стоит считать Ларк-Райз этакиими сельскими трущобами. Жители его вели привольную жизнь на свежем воздухе; коттеджи содержались в чистоте: полы часто мыли водой с мылом, а двери и окна, пока позволяла погода, оставляли открытыми настежь. Когда по равнине проносился западный ветер или завывал северный, двери и окна приходилось закрывать; но тогда, говорили сельчане, более чем достаточно и того воздуха, что проникает через замочную скважину.

На протяжении десяти лет в Ларк-Райзе случилось две эпидемии кори, и двое мужчин попали в больницу после несчастного случая на жатве; но за многие годы докторов там видели только тогда,

когда отходил кто-то из старожил, либо трудные первые роды озадачивали опытную старуху, которая, по ее словам, была свидетельницей каждого появления на свет и каждой кончины. В деревне не было ни одного калеки или умственно отстающего и, не считая нескольких месяцев, когда одна несчастная женщина умирала от рака, ни единого инвалида. Хотя местная пища была груба, да и зубами никто не занимался, о расстройстве желудка тут слыхом не слыхивали, а нервные расстройства в то время вообще еще не изобрели.

Почти во всех коттеджах на первом этаже имелась лишь одна комната, нередко бедная и скудно обставленная: из мебели только стол, несколько стульев и табуретов и отслуживший свое мешок из-под картофеля, брошенный у камина вместо коврика. Были и опрятные, уютные гостиные, их украшали буфеты с посудой, мягкие кресла, картины на стенах и яркие тряпичные коврики ручной работы на полу. На подоконниках стояли горшки с геранью, фуксиями и старомодной душистой мускусной мальвой. В старинных коттеджах имелись и напольные часы, и столы-сороконожки, и ряды оловянной утвари — свидетели той поры, когда жизнь сельских жителей была куда легче.

Обстановка в доме разилась в зависимости от количества ртов, которые нужно было кормить,

а также от бережливости и умения хозяйки или отсутствия таковых; доходы же у всех были совершенно одинаковые, ведь в те времена в том краю батраку на ферме обычно платили десять шиллингов в неделю.

Если посмотреть на деревушку издали, можно было заметить один дом, который стоял чуть в стороне и повернулся к соседям задом, словно намереваясь удрать в поля. Это был маленький коттедж из серого камня с соломенной кровлей и зеленой дверью, у самой стены которого росло сливовое дерево, доходившее до карниза. Его прозвали «крайним домом», и обитал здесь каменщик со своей семьей. В начале восьмидесятых у него было двое детей: трехлетняя Лора и Эдмунд, полутора годами младше. В некоторых отношениях этим ребятишкам, хоть они и были маленькие, повезло больше, чем соседским. Отец их зарабатывал чуть больше, чем сельские батраки. Мать когда-то служила няней, и за Лорой и Эдмундом был умелый присмотр. Их учили хорошим манерам, водили на прогулки, покупали для них молоко, каждый субботний вечер купали, после гимна «Кроткий Иисус»¹ укладывали в постельку и вручали мят-

¹ «Gentle Jesus» — популярный евангельский гимн богослова Чарльза Уэсли (1707–1788).

ный или гвоздичный леденец. Да и одеты они были опрятнее остальных, потому что их мать обладала вкусом и умела обращаться с иглой, а состоятельные родственники отправляли им посылки с одеждой, из которой выросли их собственные дети. Другие ребята дразнили маленькую Лору из-за кружевных панталончиков и доводили ее до того, что однажды она сняла их и спрятала в стоге сена.

Мать Лоры и Эдмунда в ту пору говаривала, что страшится того дня, когда детям придется идти в школу; брат с сестрой ужасно одичали и, пробежавшись полторы мили туда-обратно, успевали разорвать одежду в клочья. Но когда настало-таки время идти в школу, молодая женщина была этому рада, потому что после пятилетнего перерыва у нее стали один за другим появляться новые малыши, и к концу восьмидесятых годов в крайнем доме было уже шестеро детей.

Взрослея, двое старших детей начали засыпать вопросами каждого встречного, хотел он на них отвечать или нет. Кто посадил лютики? Почему Бог позволил, чтобы пшеница погибла? Кто жил в этом доме до нас и как звали их детей? На что похоже море? Оно больше пруда Коттизло? Почему нельзя отправиться на небеса в тележке, запряженной осликом? Небеса дальше, чем Банбери? И так далее. С помощью этих вопросов Лора и Эдмунд

пытались сориентироваться в том крохотном уголке мира, куда их каким-то образом занесло.

Подобные расспросы раздражали мать и вызывали неприязнь у соседей. «Маленьких детей должно быть видно, но не слышно», — твердили брату с сестрой дома. На улице чаще говорили: «Не приставай с вопросами, и тебе не соврут». Как-то одна пожилая женщина протянула маленькой Лоре лист горшечного растения со своего подоконника. Последовал неизбежный вопрос: «Как оно называется?» И ответ: «„Не твое дело“ оно называется. Отдам-ка я этот отросток, пожалуй, твоей матери, а она уж посадит его для тебя». Однако подобные укоры не могли избавить детей от их привычки, хотя скоро они стали соображать, к кому можно приставать с вопросами, а к кому нет.

Таким образом Лора и Эдмунд выяснили то немногое, что было известно о прошлом Ларк-Райза и его окрестностей. Им не нужно было спрашивать, как называются птицы, цветы и деревья, которые они видели каждый день, потому что они и так уже откуда-то их знали, и ни один из них не мог припомнить время, когда не мог отличить дуб от ясеня, пшеницу от ячменя, а королька от лазоревки. Происходящее вокруг от ребятни почти не скрывали и сплетничали при них без утайки, явно считая, что раз детей должно быть не слышно, то и они не

должны ничего слышать, а поскольку Лора и Эдмунд были вхожи в любой дом, да и собственное их жилище было открыто для большинства соседей, то мало что ускользало от их острого слуха.

В первую очередь из жалованья в десять шиллингов удерживали за жилье. Большинство коттеджей принадлежали мелким торговцам из ближайшего городка, а еженедельная арендная плата за дом составляла от одного шиллинга до полукроны. В других деревнях некоторые работники трудились на фермах или в поместьях, где коттеджи сдавались бесплатно; но обитатели Ларк-Райза им не завидовали, говоря: «Ясное дело, они всегда должны делать только то, что велено, иначе их мигом вытурят на улицу со всеми пожитками». Шиллинг и даже два шиллинга в неделю, по их мнению, была не слишком большая плата за свободу жить и голосовать по собственному разумению и ходить хоть в церковь, хоть в часовню, хоть никуда.

При каждом доме имелся хороший огород, и у всех были наделы; но только у трех из тридцати коттеджей была своя вода. Менее удачливые сельчане пользовались колодцем, что располагался на окраине деревни, на опустевшем участке, где раньше стоял дом. Ни общественного колодца, ни колонки в Ларк-Райзе не было. Воду каждому

приходилось добывать самостоятельно; домовладельцы за водоснабжение не отвечали.

У стены каждого добротного коттеджа стояла просмоленная или выкрашенная в зелёный цвет бочка для сбора и хранения дождевой воды, стекавшей с крыши. Это избавляло от лишних походов к колодцу с ведрами, ведь эту воду можно было использовать для уборки, стирки и полива отдельных ценных посадок в огороде. Также вода из бочки годилась для гигиенических целей, и женщины сберегали свежую воду, чтобы умываться и умывать своих детей. Считалось, что дождевая вода благотворно влияет на цвет лица, и, хотя у деревенских жительниц не было денег на заботу о своей внешности, они не настолько погрязли в бедности, чтобы пренебрегать теми средствами, которые имелись у них под рукой.

За питьевой водой, а также за водой для уборки, когда ее не хватало в бочке, женщины в любую погоду ходили к колодцу, опускали и поднимали ведра с помощью вёрота и тащили их домой на коромысле. Эти походы «через Горку» за водой были утомительны, многие останавливались передохнуть, и когда женщины в больших белых фартуках и перекрещенных на груди шальях задерживались у колодца, сплетням не было конца и краю.

Иные молодые, недавно вышедшие замуж женщины, ранее работавшие в богатых домах и еще не отказавшиеся от попыток держаться несколько особняком, вечерами заставляли своих мужей наполнять водой большой покупной красный бак. Но окружающие говорили, что это «стыд и срам», ведь после тяжелого рабочего дня мужчина хочет отдохнуть, а не заниматься «бабьим делом». С годами у мужчин вошло в обычай по вечерам ходить за водой, что, разумеется, было совершенно правильно с их стороны, а женщину, которая надрывалась, слишком усердно таская воду из колодца, соседки отныне считали предательницей.

В засушливые годы, когда деревенский колодец пересыхал, приходилось ходить на колонку к ферме, находившейся в полумиле от Ларк-Райза. Те, у кого в огороде имелся собственный колодец, не давали соседям ни капли, опасаясь, что иначе тоже останутся без воды, поэтому запирали крышку колодца на висячий замок и пропускали мимо ушей любые намеки.

Туалет единственной известной в деревне разновидности устраивали либо в глубине сада, в маленьком напоминающем улей домике, либо в углу деревянного сарая, именовавшегося хибаркой. Это был даже не дворовый пудр-клозет, а просто выгребная яма с установленным над ней сиденьем;

поскольку опорожняли ее раз в полгода, все двери и окна, находившиеся в непосредственной близости, были наглухо закрыты. К сожалению, было невозможно заодно закрыть и дымовые трубы!

Эти отхожие места, как и все прочее, являлись прекрасным отражением характера их владельцев. Одни уборные представляли собой омерзительные дыры; другие были вполне приличны, третьи, и их было немало, содержались в безукоризненной чистоте: сиденье отдраено до ослепительной белизны, кирпичный пол выкрашен охрой. Одна старушка дошла до того, что в качестве завершающего штриха прибила к двери табличку с надписью: «Ты Бог, видящий меня»¹, что весьма смущало викторианскую девочку, которую учили, что никто не должен даже видеть, как она подходит к этой двери.

В других подобных местах санитарно-гигиенические изречения нацарапывали на белой стене свинцовым карандашом или желтым мелом. В большинстве из них присутствовал здравый смысл, в некоторых — рифма, но лишь немногие были сформулированы в таких выражениях, чтобы их можно было привести здесь. Пожалуй, для печати сойдет одна короткая и емкая сентен-

¹ Быт. 16: 13.

ция: «Хорошенько ешь, хорошенько трудись, хорошенько спи и хорошенько ... каждый день».

На стену «хибарки» в Лорином доме наклеивали картинки, вырезанные из газет. Когда стены в туалете белили, вырезка менялась, сначала это была «Бомбардировка Александрии» — клубы дыма, разлетающиеся осколки и вспышки взрывчатки, затем — «Трагедия в Глазго: погружения спасателей на затонувшую „Дафну“» и «Катастрофа на Тэйском мосту»: с разрушенного моста свисают над бурлящими водами вагоны поезда. Эпоха фотожурналистики еще не наступила, и художники могли давать волю своему воображению. Потом почетное место в «хибарке» заняли «Наши политические лидеры» — два ряда портретов на одной гравюре: в середине верхнего ряда мистер Гладстон с ястребиным лицом и сверкающими глазами, в нижнем ряду добродушный, сонный лорд Солсбери. Лоре эта картинка очень нравилась, потому что на ней был изображен и лорд Рэндольф Черчилль. Она считала его самым красивым мужчиной в мире.

К задней или боковой стене каждого коттеджа примыкал свинарник, а помои выкидывали в находившуюся неподалеку мусорную кучу. Ее размещали таким образом, чтобы туда стекали и нечистоты из свинарника; туда же выбрасывали навоз при уборке свинарника, и эта мерзкая, зловонная

масса в нескольких футах от окон вечно мозолила глаза. «Ветер такой-то, — говорила какая-нибудь хозяйка, сидя у себя дома, — раз навозом потянуло», а ей в ответ частенько напоминали поговорку: «кому свинья, а нам семья» — или говорили, что этот запах полезный.

В каком-то смысле запах действительно был полезный; ведь хорошо откормленные свиньи в хлеву сулили хорошую зиму. При жизни свинья была членом семьи, о ее здоровье и состоянии регулярно сообщали в письмах детям, уехавшим из родного дома, наряду с известиями об их братьях и сестрах. Мужчина, заглянувший в гости в воскресный день, наведал вовсе не друзей, а свинью и битый час торчал вместе с ее хозяином у дверей свинарника, почесывая хрюку спину и расхваливая его достоинства или разнося его в пух и прах. От десяти до пятнадцати шиллингов — такую цену платили за поросенка, отлученного от матери, и каждый был рад такой сделке. Продавцы клятвенно ручались за «последыша», как называли младшего поросенка в помете, утверждая, что он мал да удал и скоро догонит остальных; покупатели предпочитали отдать на несколько шиллингов больше за хрюшку покрупнее.

Свиньей в семье гордился каждый, и занимались ею все. Мать часами вываривала «картоху»,

из которой потом делала пюре, смешивала его с водой, оставшейся после варки овощей на обед, сдабривала дорогой ячменной мукой и скармливала свинье. Дети, возвращаясь домой из школы, срывали охапки осота, одуванчика и отборной травы, а сырыми вечерами бродили вдоль живой изгороди, собирая в ведро улиток на ужин хрюшке. Поросята хрустели ими с большим удовольствием. «Отец», помимо уборки свинарника, постилки соломы, лечения и тому подобных дел, даже обходился без своей ежевечерней полпинты, когда, ближе к концу недели, счет за ячменную муку начинал приобретать пугающие размеры.

Порой, когда еженедельного дохода на откорм свиньи не хватало, договаривались с пекарем или мельником о предоставлении муки в кредит, чтобы потом, после того как свинью заколют, отдать долг мясом. Чаще всего таким образом на оплату шла половина туши, и нередко можно было слышать, как хозяйка говорит: «Даст бог, в пятницу заколем полсвиньи», и непосвященный из этого заключал, что другая половина будет по-прежнему резвиться в свинарнике.

В некоторых семьях закалывали по две «полсвиньи» в год; в других — по одной или даже по две целые свиньи, что обеспечивало беконом на всю зиму и дольше. Свежее мясо было роскошью,

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ФЛОРА ТОМПСОН
ЛАРК-РАЙЗ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.09.2024.
Формат издания 76 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,28. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сайкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-GLD-35145-01-R